

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is filled with tall, dark buildings, glowing neon signs, and a hazy, purple and blue atmosphere. A lone figure stands in the center of the street, looking towards the horizon. The overall mood is mysterious and futuristic.

Евгения Стоянова

Пациент С790

Евгения Стоянова

Пациент С790

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69965527

SelfPub; 2023

Аннотация

Главные герои – потерянные люди на фоне футуристической реальности. Тюремные решетки заменены жидкокристаллическими панелями, но это не меняет сути.

Евгения Стоянова

Пациент С790

В тумане ничего не было видно. Очертания деревьев, которые, он знал, тут точно были, линия горизонта, о существовании которой не было смысла спорить, направление дороги, которую он, казалось, не может найти – все это, невидимое в тумане, разум подвергал сомнению. Было сыро, но не холодно. Молоко тумана обволакивало, обещая подарить покой, однако хитрость его, и путник хорошо это знал, была такова – успокоить и погубить. Белые клочки, повисавшие на ветвях деревьев, причудливо сплетались с косматыми облачками, почившими на траве, но вдруг, уже через мгновение, сплетение это исчезало и уступало место совсем другой конфигурации, описать которую было невозможно, тем более, что еще через мгновение и она исчезала, переплетая окружающее пространство все более причудливым образом. Тот, кому пришлось бы пробираться сквозь такой туман, не представляющий, казалось бы, преграды физической, но вполне реально сковывающий не только мысли, но и движения, обязательно бы заметил, как легко углядеть в тумане совсем не то, поверх чего он лежит.

Сергей хотел закурить, но вспомнил, что потерял зажигалку накануне ночью. Тогда, так и не найдя зажигалку, он ре-

шил идти дальше, не теряя времени. Ах! Как себя сейчас он проклинал за это! Хотелось есть и курить! Но курить хотелось больше! Почему еще не поискал зажигалку?! Куда спешил?! За ним никто не гнался, но он хотел поскорее со всем этим покончить, а значит идти надо было быстро. «И правда, куда же я тороплюсь?» – спросил себя Сергей. Шага при этом он не замедлил, а пошел будто еще быстрее. Дорожная сумка очень резала плечо, переброска с одного плеча на другое ничуть не помогала. Туман все не рассеивался, но над лесом уже показался бледный круг солнца. Начинало парить. Сергей расстегнул ворот куртки. Остановился. Огляделся. Тропка, преданно ведущая его к концу леса, а значит и концу его бегства, была слабо различима, ее ноги как будто нашаривали сами. Сергей знал, что идет правильно. Он был совершенно уверен, что не сбился с пути. Он был уверен, что скоро лес закончится, начнется поле, и там то уж его точно не догонят.

Деревья, закрывавшие собой небо, и правда становились реже, ниже ростом, или это солнце стало лучше освещать лес, или и вправду лес редел, а значит заканчивался.

Вот уже и не лес вовсе кругом, а так, посадка вроде, по которой и детям можно самим ходить, и не заблудишься!

Нестерпимо болело плечо, ноги устали от долгой ходьбы, свет становился ярче, теплело, Сергей почувствовал, что его разморило и он хочет спать.

– Нет, нет, братцы, – усмехаясь думал он. – Так легко вы от меня не отделаетесь! Не зря я одолел почти весь путь! Чего

удумали! Запустили газ под видом тумана! Ишь, черти! Но я-то похитрее вас буду!

Сергей достал из внутреннего кармана куртки капсулу, быстро сунул под язык, и пошел дальше.

Как и все и всегда – незаметно и вместе с тем совершенно очевидно – лес закончился, а с ним закончился и туман. Стоял ясный солнечный день. Куртку он бросил. Знал, что второго такого испытания ему не приготовят, они не любили повторяться. В чем нельзя было им отказать, так это в изобретательности.

Шагал он быстро и легко, будто не было позади 19-ти часового перехода, ночи без сна и многих лет заточения. Будто вышел он только что из института, и лет ему 20, не больше, и глаза еще не потеряли надежды увидеть весь мир, понять его, проглотить целиком.

Впереди была бетонка. Сергей вышел на нее, пошел в направлении крыш домов, которые были еле видны. Он знал, что теперь ему некуда было спешить. Он все сделал правильно. Выжил. Дошел почти. Ах, как нестерпимо ноет рука! Ручка его неизменной ноши, будь она не ладана, безумно его донимала...

Плечо нестерпимо резала веревка, которой Сергей был привязан к кровати. Недобрый сон его был потревожен Наташей, пришедшей со своей дежурной улыбочкой на губах, сделать ему укол. Сергей терпеть не мог эту Наташу. Так она была ему противна! Особенно не в моготу было, когда эта

«сестра милосердия» начинала говорить с ним, как с ребенком, жалеть его, приговаривать что-то типа «ничего страшного, поправишься, и не такие поправлялись» ...сострадать как-то не по-людски, а по-чиновничьи, будто в ее должностные обязанности входило сожаление к пациентам, а может и входило, или по крайней мере должно было входить, учитывая курс на безусловный гуманизм во всем, который Они озвучивали на прошлой встрече... От нее веяло запахом лекарств, а дешевые духи только все усугубляли, провозглашенный гуманизм в исполнении Наташи выглядел насмешливой пародией, попыткой неумелого художника сравниться с мастером. Она старалась, но у нее ничего не получалось. И усталый ее взгляд производил гнетущее впечатление, никак не вязался он с улыбкой вечно натянутой на ее лицо. «Не такие поправлялись!?» – может быть и так, но у Сергея не было ноги, в его ситуации поправиться окончательно было нельзя! Нельзя было просто вернуть ногу назад! НЕЛЬЗЯ БЫЛО!

Сергей повернулся на бок, но и спиной он чувствовал жалостливый взгляд Наташи.

«Интересно, что она думает? Наверное, думает, что если бы я не был инвалидом, то был бы ничего себе, красивым парнем. Бред! Может у нее дома проблемы. Поди не хватает того, что в боксе она приносит домой». Сергею вдруг стало нестерпимо, до слез жалко Наташу, потом себя, потом всех на свете. «Опять колят какую-то дрянь!». Он вдруг почувствовал, что очень сильно устал. Сергей закрыл глаза, запа-

хи, неприятные, больничные, рассеивались, а туман, в котором он бродил все утро опять предстал перед ним во всей своей безнадежной правоте. Для тумана не было оправданий, ни сожалений, и никакая сила мысли не могла его развеять, продрасться сквозь его обманчивую пелену. Все покрывая, туман оставлял Сергея наедине с собой, чего ему совершенно не хотелось. «Как же болит плечо!» – думал он. «Только к вечеру смогу я добраться до города». Сергею стало очевидно, что идти в прежнем темпе не было смысла и сил. «Пойду медленнее». Он знал, что надо беречь силы, и дойти до города к вечеру. Лес давно был позади, Сергей шел по проселочной дороге, вокруг бурно росли полевые травы, чуть дальше, высокие колосья виновато опускали головы. Сергею подумалось, что здесь у них, все как будто больше и выше, чем у него дома. Деревья были великаны, трава доходила до груди. Куропатка, которую он спугнул, казалось, размером с хорошего гуся. «Как же есть хочется! И курить!». Опять услужливый мозг напомнил, почему курить он не может, а от этого курить и есть хотелось еще сильнее! Под ногами шуршали. В кустах будто кто-то сидел, но Сергей не останавливался, не прислушивался, знал, что это обман, но искусно сработанный, обман, на который Они многих ловили, а попробуй ты сойти с этой дороги, посмотришь, как не далеко простирается их гуманизм. Хорошо, что еще одна таблетка осталась. Ее Сергей приберег на самый крайний случай, когда уже совсем не будет сил идти...

Наташа спокойно вышла из палаты, нужды закрывать дверь тихо не было, пациент спал. Наташа знала, что драматодол, который она колет ему, почти сразу действует, и Сергей будет спать как минимум пять часов, потом пару часов будет «овощное», как сотрудники больницы его называли, состояние. «Спать. Зачем ему было столько спать? Ведь ему надо бы двигаться! Нога ампутирована, ну и что, ведь только одна нога, не обе, а он привязан веревкой к кровати. Зачем? Уж, наверное, на одной ноге не убежит далеко?». Наташа думала как-то вскользь обо всем этом, привычно подойдя к кабинету Константина Федоровича. Тут уж дверь она открыла тихо. Здесь никогда не спали.

– Доброе утро! Как там наш буйный? Успокоился? – Константин Федорович говорил не взглянув на Наташу. Он сидел на подоконнике. Окно сегодня показывало золотой осенний день. Трудно было отличить это видео от реального вида из окна. Слишком хорошо было сделано. Слишком качественно. Так качественно, как могут только машины. Доктор смотрел в монитор окна, и невротически начинал тихонько пальцем подковыривать пленку на краю монитора, когда Наташа вошла.

– Все хорошо! Доброе!.. Только не пойму я, зачем он привязан к кровати? – спокойно и буднично спросила Наташа. Тут же бросив свое бессмысленное занятие, Константин взглянул на нее. Он смотрел испытующе, пристально, будто

видел ее в первый раз. Взгляд его был из тех, которым смотрят в определенных органах. Ну, собственно, говоря, сам он из них и был.

– Наталья Александровна! А с каких это пор младший медицинский персонал спорит с врачами? Это что-то новое! – он все смотрел на Наташу, а та, нисколько не смущаясь, подошла, обняла его и крепко поцеловала...

Знала она, что отвечать не нужно на вопрос. И задавать вопросы больше не нужно. Нужно только исполнять, все исполнять, что прикажут ей, все, что прикажет он, все, что прикажут Они. Иначе будет она вот также рядом с Сергеем лежать, привязанная к кровати.

За дверью кабинета кто-то ходил, отчетливо была слышно какая-то суета.

– Ты опять дверь за собой не закрыла? – спросил он тихо недовольным голосом, -

– Закрыла, – виновато ответила она, – кто там ходит?

– Не знаю, иди к себе, и сделай мне срочно отчет по дромадолу, кому и сколько ты за последние 2 недели колола, завтра проверка придет, надо все подчистить. Ну, давай, за работу – он сладко поцеловал ее и как послушную овечку отправил.

«Ага! Вот в чем дело!», – думала Наташа, – «значит завтра проверка; дромадол я колола только по его предписанию». Несколько ампул было разбито, но проверяющие, она знала, к этому придираются не будут. «Ладно, Константин Федорович, плут вы конечно, но я-то в первую очередь себя буду

прикрывать».

Наташа сделала отчет быстро, алгоритмы были ее давно знакомы, но вдруг ей захотелось посмотреть не только учет расхода, но и поименно по пациентам еще раз проверить. Она проверила расход по всем пациентам. Остановилась на карточке Сергея. Здесь, в электронной карточке, был небольшой архив с его фото, в основном, университетскими. Здесь он был полон сил, почти на всех фото он улыбался. Наташа несколько минут внимательно разглядывала изображение, не отдавая себе отчета зачем именно она это делает, потом поймала себя на мысли, что это странно, закрыла карту, сохранила отчет, отправила все, что нужно Константину и вышла из кабинета.

Больница размещалась в старом здании, но оно было очень хорошо отремонтировано. Поддержанию чистоты во всех смыслах этого слова здесь уделялось первостепенное значение. Ни мусора, ни лишних мыслей. Белые коридоры способны были навести тоску на самого отъявленного оптимиста. В этих белых артериях, связывающих между собой больничный организм, ничто не могло остаться незамеченным, но и внимания здесь ничего не привлекало. Любого, кто оказывался здесь, охватывало холодное безразличное спокойствие, кладбищенская умиротворенность. Во всех псевдоокнах сегодня показывали осень. Наташа подумала, что все – таки хорошо, что они голограммы установили, а то здесь было бы совсем грустно.

До обеда полагалось ей посетить еще двух пациентов, она привычно выполнила все, что полагается, и повернув в супер изолятор, вошла в палату Сергея.

Он спал. Плечо его, перетянутое специальным ремнем, иногда вздрагивало. Наташа долго и внимательно на него смотрела. Она даже не знала, как долго она на него смотрела и все думала и думала какую-то свою мысль. Бывает так, что думаешь о чем-то и сам себе не можешь дать отчета, о чем именно, но это совсем не значило, что мысль эта была не важна, это значило лишь то, что подсознание еще не обработало всей информации. Не всплыла эта мысль на поверхность океана, в глубине которого она была рождена.

«Нет! что-то тут не чисто! Лежит он такой спокойный, без ноги, перетянут веревкой, беспомощный, неживой почти, накачанный дромадолом по самые уши, а все-таки Константин Фёдорович его безумно боится». Это она сегодня утром поняла очень отчетливо. «Именно, боится! Боится этого полуживого куска мяса, который полностью в его власти. Почему?».

Плечо Сергея опять вздрогнуло, Наташа подошла и протиснула с большим трудом свою руку под шпагат, прижала мягкую белую ладонь к его плечу, ощутила его тело, мышцы на плече были напряжены, будто нес он что-то тяжелое. Наташа подумала: «Где он сейчас, этот странный ее пациент?». Наташа внимательно смотрела и хорошо чувствовала свою белую руку на его плече. Она подумала, что здорово все-та-

ки, что руки у нее такие чистые и белые.

Плечо болело нестерпимо, Сергей все шел, и вдруг провалился в ватную ловушку, все вокруг было из ваты, она попадала в рот и нос, мешала дышать, лезла в глаза, он не падал, но и не мог двигаться.

– Вот, черт! Угодил в ловушку, расставленную для нубов! Это просто усталость, вот что значит не спать, не есть и не отдыхать! Он знал, что пытаться выбраться не надо, все исчезнет после следующего сохранения. Он знал, что при попытке выбраться, закапаешься еще дальше и уж точно не выберешься, как из огромного сугроба, при сохранении нужно будет задвигаться, игра посчитает это ошибкой и при сохранении удалит, главное, успеть выбраться. Сергей лежал в вате, на плече его, как ему казалось, лежала чья-то маленькая мягкая ладошка. «Вот же гады, как хорошо они все это придумывают! Будто и вправду меня кто-то за плечо держит, при том именно за больное!». Он не мог больше думать, просто лежал в забытьи, спать было нельзя, но он уснул. Действие лекарства заканчивалось, начиналась серая полоса, когда особи попадали в полумир между игрой и реальностью. Именно в этой полосе почти половина сходила с ума. Сергей пересекал полосу часто, он не боялся сойти с ума. Собственно говоря, а не сошел ли он с ума намного раньше. Разве вменяемый человек будет спорить с системой? Разве не сумасшествием было наличие собственного мнения в условиях тотального контроля? Расплата за его «причуды» наступила

очень быстро. Комиссия наводила порядок быстро и без сожалений. И вот он лежит, пристегнутый к кровати.

Датчики, к которым в больнице были подключены все пациенты, показали активность, Наташа знала, что сейчас Сергей вернется в сознание и не уходила, хотя также хорошо знала, что нахождение в супер изоляторе с только что проснувшимся больным, если только ему не надо делать укол, запрещено. Она все также стояла у его кровати и ждала, ждала, когда он откроет глаза. Ей было немного страшно, но уйти она не могла. Обычно она заходила к пациентам, когда они уж совсем приходили в себя, об этом сообщали датчики, она никогда раньше не видела пробуждения.

Сергей вышел из серой полосы и открыл глаза. Несколько секунд он смотрел в голый потолок, осознавал свое тело, боль в плече заставила его прийти в себя быстрее, Наташа не шевелилась, не подходила к нему. Он чувствовал, что запах ее дешевых духов все еще не выветрился, так как отчетливо ощущал его. Ощущал он не только это. Чувствовал он, что в палате кто-то есть, но знал, что это ему только кажется.

Наташа сделала шаг к его кровати.

– Что вы здесь делаете? – Раздраженно и зло, но в вместе с тем еле слышно спросил Сергей. – неужто не жалко на меня одного весь запас дромадола извести?.

– Извините, я не за этим тут. – срывающимся тихим голосом ответила она.

Сергей внимательно смотрел на нее, он ничего не мог по-

нять, он ждал объяснений.

– Я тут утром уронила кое-что, вот, ищу, – машинально соврала Наташа.

– Нашли? – с усмешкой спросил Сергей. – Уж так и скажите, что вам нравится наблюдать за пациентами, когда они спят, может боитесь, что я умру раньше времени, не сдав всех своих секретов? – Он улыбался и теперь, казалось ей, совсем не злился. – Вы же, наверное, и инструкцию какую-то нарушаете?

Наташа, смущенная донельзя, разве что не покраснела до ушей, не знала, что сказать, только растерянно улыбалась в ответ на его улыбку.

– Ладно! Приходите, когда вам вздумается, только аккуратнее, они все видят, лишат вас за нарушение инструкции дополнительных боксов, как кормить семью будете?

Она поспешила уйти. Не сказала ничего, и до самого вечера была сама не своя, делала все машинально, и отчет ей пришлось переделать, там вкралась какая-то ошибка, лишь погружаясь в сон, она вдруг вспомнила Сергея, его улыбку, и почему-то счастливая этим ушла в сон.

Сергей лежал и думал, зачем она все-таки приходила. Ведь он знал, что все в этой больнице, в этом городе и в этой стране тотально контролируется. После окончания третьей войны все поменялось. Во избежание нового конфликта власти сделали все возможное для того, чтобы обезопасить людей, так они по крайней мере говорили. Сначала было закры-

то небо, и с него почему-то перестал падать дождь, потом решили очищать воздух, и, конечно же не в связи с этим люди стали постоянно кашлять, потом закрыли окна экранами, на которых показывали живую жизнь, которая выглядела даже более живой, чем настоящая... Все изменилось, кроме людей, добрая часть из них продолжала быть идиотами, которые верили во всякую чушь, особенно если ее произносили с экрана. Остальные, никому не верившие, затихли и ждали, когда рванет.

Сергей не принадлежал ни к первым, ни ко вторым. Был он всегда сам по себе. Был всегда сам за себя.

– Может это очередной эксперимент? – думал он. – проверка? Как пить дать эти негодяи что-то опять задумали. Посмотрим, посмотрим, все становится даже интереснее с каждым днем. Кто бы мог подумать, что лежать в изоляторе без ноги было так увлекательно!

На следующий день с самого утра больницу лихорадило, Комиссия проверяла все этажи и подвалы, все изоляторы и склад, всех врачей, всех медсестер, отчеты, лекарства, личные карты пациентов. Константин Федорович был раздражен проверкой, по документам у него всегда все было в порядке. По документам... «могли бы и не приходить с самого утра... и главное ничего не просочилось, никакого тихого слушка, что придут именно в самом начале рабочего дня».

Наташа вошла в кабинет. Тут же была отправлена им на 3 этаж, проверить все ли там в порядке. Та, совсем не обидев-

шись, хотя по сути должна была, так как он сказал это очень грубо, быстро пошла к лифту. На третьем были суперизоляторы. На третьем был Сергей.

Отгнав глупые мысли, она пошла проверять палаты, поправляла кровати, сверяла карты и раскладки, машинально и быстро делая все это и многое другое, она подошла к палате Сергея. Не успела. В палате уже кто-то был, она слышала монотонный голос и другой, писклявый. Разобрать, что они говорили, она не могла. Голоса затихли. Из палаты вышли двое из Комиссии. Она поздоровалась. Один, высокий, голубоглазый, тот, который вышел первым, поздоровался, без улыбки посмотрел на нее, как на вещь. Встал у двери. Второй, невысокого роста, говоривший писклявым голосом, был похож на деда из деревни, лысина его странно блестела, лишний вес мешал идти и говорить, но, он был, судя по всему старшим. Он вскоре тоже вышел из суперизолятора. Наташа стояла перед дверью, ожидая разрешения войти. Толстяк неуклюже вышел, с низу вверх взглянул на Наташу и спросил:

– Вы осуществляете здесь манипуляции?

– Да, я старшая медсестра. – ответила Наташа.

– Следите хорошенько за этим пациентом, если что, вот моя визитка, звоните напрямую, без стеснения, в любое время дня и ночи. Все понятно?

–...Да, хорошо, но у нас все нормально, он не буйный.

– Ох, милочка, -сказал толстяк из Комиссии, придвинув-

шись почти вплотную к ее груди и посмотрев пристально в ее глаза, – не буйные – они ведь самые опасные.

Проверяющие ушли. На 3 этаже больше ни одного изолятора, кроме того, где лежал Сергей, они не посетили.

Наташа зашла в палату. Сергей лежал и смотрел в одну точку. Они молчали.

– Наверное, мне уже скоро надо собираться. – сказал он спокойно. – хватит место занимать. – Наташа, я правильно думаю, что больше они ни в одну палату не ходили?

– Так – , ответила Наташа. – и что это значит? Вы знаете? – грустно спросила она.

– Конечно! –нервно улыбаясь ответил он. –Это значит, что скоро конец.

Наташа отвернулась, монитор окна сегодня показывал дождливый день.

– Ну и нечего киснуть, – вдруг весело, собрав всю волю, сказала она, – я знаю, как вам помочь.

Сергей, если бы не был привязан, от удивления, наверное, упал бы с кровати.

– И как же? – с удивлением и раздражением спросил он.

– Мы сбежим! – тихо и буднично ответила она.

Повисла пауза, они смотрели друг на друга. Он ничего не понимал. Она понимала все. Он отвернулся и прошептал: – я кажется здесь не один сошел с ума. Она не могла не услышать это фразу, сказанную тихо, со сдавленным смехом, но это ее только раззадорило, и она ответила:

– Ничего страшного, с этим можно жить.

Тут его прорвало, он говорил на одном дыхании, быстро и тихо. Смех в нем сменился гневом, когда он понял, что она говорила всерьез.

– Дура! Дура! Неужели ты не понимаешь, что делаешь? У тебя дети есть? Наверняка есть! О них подумай! Я уже отработанный материал. Я им не нужен. Но я их не боюсь. А вот они меня – боятся. Мне не страшно уходить, ведь я видел реальную жизнь, видел солнечный день из окна, а не монитор, дышал воздухом, в котором пахло осенью и дымом, а не газом, который распыляет Правительство. Я ходил босиком по траве, не по искусственной, по живой. Понимаешь? А ты, ты что видела, кроме этой тюрьмы? И вот ты мне говоришь, что хочешь сбежать? Этого мне не понять. Ты не знаешь, в какую игру хочешь ввязаться. О, нет, не игру, это не игра, вот то-то и оно. В игре есть правила. Здесь правил нет, есть только сила. Их сила! Понимаешь!? Только дай им заподозрить, что ты умеешь думать, и глазом не успеешь моргнуть, как тебя вычеркнут из списка. Из списков на получение боксов, уволят с работы, заставят забыть о тебе всех, кто тебя знал, а потом спрячут так далеко, что никто не найдет. Да и некому будет искать. Заколят ... А потом утилизируют. Как же жалко мне тебя Наташа! Никто не идет воевать безоружным, а что есть у тебя? Неужели ты всерьез думаешь, что сможешь поломать эту систему?

Он внимательно смотрел на нее, глаза его горели. Он ждал

ответа. Она отошла в мертвую зону камеры и начала:

– Знаете, когда я была маленькой, я была летом у дедушки. У него был большой дом, хозяйство, рядом была река. И вот в один вечер я пошла гулять, было тепло, я увидела, как ласточки летают низко-низко. Мне казалось, что они летают только рядом со мной. Я захотела проверить это и побежала быстро, от них, они прилетели за мной и опять стали кружиться рядом. Я была босая, ногам было так тепло...знаете это чувство, когда ступаешь по земле в конце теплого августовского дня?

Сергей ехидно заметил:

–Супер! И как тебе это поможет?

– Да нет, это я так, просто вспомнила. Так вот, я много лет медсестра. Много лет колю дромадол. И вот, что я поняла, его можно деактивировать, и не просто деактивировать, а и вывести из организма. Однажды, когда я была в кабинете у главврача, он сказал мне, что ни в коем случае нельзя, чтобы на него падал дневной свет. В течение 5 секунд вещество распадается.

Сергей в голос хохотал: – Вот ты удивила, и ты, что думала, что я изобретатель этой дряни, об этом не знаю?

– Это не все, я знаю, как сбежать, но мне нужен был напарник.

Сергей, не переставая сдавленно и недобро хохотать, сказал: – И ты решила взять в напарники безногого инвалида? Ты что издеваешься что ли?

– Нет.... Ты подумай все-таки, второго шанса ни у меня, ни у тебя не будет. Я думаю, ты это и сам понимаешь. ...

После того, как лекарства переставали действовать на какого-нибудь пациента, как нужно, всегда приходили с проверкой из Комиссии, через некоторое время таких устойчивых пациентов увозили, оформляли просто как перевод в другую больницу для продолжения лечения. Куда увозили, точно никто не знал, но больше их никто не видел. И, сами понимаете, никто их не лечил.

Сергей первый раз за много лет уснул обычным сном. Ему снились коровы, потом он попал в серую зону и коровы пытались идти за ним, и дойдя до границы проваливались, а потом всплывали на другой стороне, и будто были это не коровы уже, а воздушные шары, которые заполняли комнату, и дышать было невозможно из-за них, он начал задыхаться, проснулся. Было темно. Он все думал, о том, что ему делать дальше, вспоминал друзей, которые тоже хотели бежать, но были испарены на границе серой зоны. Сергея не охватывала паника, ей место только там, где есть неизвестность. Ему же было все хорошо известно и вполне понятно. Он боялся поражения, ведь надо было рискнуть не только своей жизнью, но и жизнью других людей, пусть и не близких ему. «Бестолковая Наташа! Так она верит, что все получится! Так верят только дети! Она же знает, что из больницы нам не выйти! Бред какой-то».

– Всегда в начале серой зоны есть такие выемки, они были оставлены админами на случай, когда пространство надо было либо расширить, либо затянуть. В этих местах время течет иначе, намного быстрее. Если попасть в такую выемку, то на обратной ее стороне можно обнаружить небольшое отверстие, это дыра в стене, это дыра в сети. Как ни глобальна сеть, но в ней всегда есть дыры, на то она и сеть. Чтобы попасть в эту петлю нужно уколоть дромадол. После укола каждый попадает в свою собственную реальность, но не надо недооценивать, все эти сны не обособлены, они связаны друг с другом... – ты понимаешь, на что тебе придется пойти? – Сергей испытующе смотрел на эту 40-летнюю медсестру с синяками под глазами, в очках, образ ее никак не вязался с образом супергероини, которая вот сейчас разрушит новый мир в тысячи ГБ ради возможности увидеть солнце и вдохнуть неотфильтрованного воздуха.

Наташа без колебаний сказала: Да, один укол – это плохо, но мы выйдем отсюда на солнечный свет, и все пройдет, если мы не сможем, то мы хотя бы попытаемся, ведь все равно нам нечего терять, ты-приговорен, я-обречена... что может быть хуже?..

Нейросеть уверенно следила за всеми, боксы с лекарствами и едой приходили вовремя, но в коридорах стало все больше появляться людей из Комиссии, Наташа стала их замечать все чаще. Вот и сегодня по пути на работу она как бы особым зрением вычленила их из числа всех встречен-

ных ею. Собственно говоря, отличить сотрудников Комиссии было несложно при даже небольшом навыке. Они обладали определенной степенью безликости, но при этом живому человеку трудно было пройти мимо их заученных движений и однотипной одежды. Пару раз она даже видела того голубоглазого, который приходил в больницу в день проверки. Было ясно, что откладывать побег уже нельзя. На завтра в больнице было назначено крупное совещание с представителями Комиссии. В лист заданий, приходивший каждый день до начала работы, Наташе пришло поручение – организовать переезд больного С790 в другую больницу.

Трясущимися руками Наташа пыталась застегнуть халат и вдруг поняла, как же сильно она боится, насколько не продуман ее план, да и плана в общем то не было, такого до них никто не делал, а если и делала, то ничего об успехе или провале не было известно. Страх охлаждал руки и ноги, дыхание становилось чаще., еще мгновение и датчики бы направили сигнал в Комиссию о недопустимом уровне тревоги. Она спохватилась вовремя, взяла себя в руки спрятала ампула для себя. Ампулу для Сергея поставила на стол. Вышла из хранилища, предварительно она тщательно и долго отковыривала угол монитора, за ним была бетонная стена, она чуть не заплакала и подумала, ну не уж-то они оставили бы стекло, нет, они все забетонировали! Бетон был гладкий и холодный на ощупь.

После третьей войны Комиссия объявила, что больше

войн не будет, что будут только специальные операции по спасению лиц, которые по мнению Комиссии, в этом нуждаются. Началась эпоха мира и благополучия – так они ее называли. На самом деле, сначала было закрыто небо экранами, потом был убран воздух, потом деньги заменили на боксы, которые лишь поддерживали работоспособность особей. Последних, к слову, становилось все меньше. Торжественно, но тихо стали уходить художники, красочно и со скандалами – музыканты, по тюрьмам разбрелись доктора наук. Все это никак не смущало общественность, ибо в эпоху мира и благодати было ли до таких мелочей?! Ведь все так мирно и благодатно?! Все, что не было мирно и благодатно, было вне закона. Покой был единственный закон. Покой – однокоренное со словом покойник. Особи быстро вняли этому закону. Но, как водится, не все.

Наташа вспомнила, как много людей она отправила в другие больницы, в какие она не знала. Как много пациентов, рассказывающих после пробуждения странные истории, были стерты. Как много! Аж мурашки по телу! Целый небольшой городок! И это только те, кто прошли через супер изоляторы в том отделении, где она служила. А сколько их вообще всего было?! Никто не знал точной цифры. Вернее, знали только в Комиссии. Комиссия?, откуда она вообще взялась? Кто ее придумал? Как быстро она сосредоточила всю власть в своих руках? И кто они, эти люди из Комиссии? Одеты они были всегда просто и безлико, они были такими же как

все особи, или по крайней мере, должны были на них походить. Особей становилось все меньше, но исходя из необходимости поддержания мира и благодати, их должно было стать еще меньше, так как сохранять благодатные условия для существования особей становилось все сложнее, так говорили представители Комиссии. О наличии агрессивной окружающей среды, ужасах окружающей вселенной, о счастье тех, кто живет в городе без солнца уверенно напоминали каждый день. Да и как было не поверить. У нас мир и благодать, а там, за серой зоной что-то плохое, мы сами не знаем что, потому что туда не ходили, но точно знаем, что плохое и опасное, ведь так Комиссия сказала... Для Наташи все это было похоже на огромный обман, мыльный пузырь, который вот-вот должен лопнуть. Странности, старательно припрятываемые Комиссией, типа исчезновения людей, увеличения датчиков и т.п. говорили Наташе лишь об одном – Комиссия боялась чего-то, хотя представляла все так, будто она всесильна.

Наташа посмотрела на свои руки. «Все-таки хорошо, что медперсонал работает в перчатках» -подумала она. Руки были такие чистые-чистые-чистые.

Те дешевые духи, которыми пользовалась Наташа, сделал ей химик института. Да, может не очень удачно, но в конце концов он ведь химик, а не парфюмер, да и в лаборатории не так много реактивов, из которых можно было бы сложить приличный аромат.

Она первый раз увидела Сергея, его только привезли после ампутации. Он долго приходил в себя. Да и как придешь в себя, если тебе постоянно колют снотворное? Наташа хорошо помнила, как Константин Федорович предупредил ее быть повнимательнее с Сергеем, близко не подходить, ограничиваться необходимыми прописанными манипуляциями, никакого общения. Слишком хорошо Наташа помнила его слова.

...

Сергей выбрался из ватной ловушки и шел дальше, правда его немного вернуло назад по карте, но это было меньшее из бед. До конца его путешествия оставалось совсем немного. Теперь он шел по хорошенькой тропинке вдоль стены. Скоро покажется город.

Сергей пришел в себя, действие лекарств укорачивалось с каждым уколом, поэтому идти надо было все быстрее. Он открыл глаза и увидел Наташу.

Сергей внимательно смотрел на Наташу. Он не понимал, что именно его так интересуется в этой медсестре, ну, кроме, конечно, ее безумного плана. Хотя серьезно он к нему просто не мог отнестись. Скорее, это его забавляло. При этом Наташин серьезный подход к делу еще только усиливала комичность. Сергей прекрасно понимал, что его ждет и не мечтал избежать своей участи. Единственное, что он должен был сделать, это довести до конца свое дело.

Наташа чувствовала на себе его заинтересованный взгляд.

Ей было уже не вспомнить, смотрел ли кто-нибудь вообще на нее так внимательно. Сергей перевел взгляд на датчики, потом не белый потолок, а она все также смотрела, только теперь в руках у нее была его карта, и она в ней что-то должна была отметить. Собственно говоря, карта эта была давно у нее в руках, только вот он заметил ее только сейчас, а она и не замечала вроде, не понимала, что она делает. Наконец, она опустила глаза и печально улыбнулась.

– Надо полагать, что осмотр окончен? – с иронией спросил он – потому что, смотрели вы на меня очень внимательно!

– Да, осмотр окончен. – Спокойно ответила Наташа. –

– Готовьтесь к выписке. Выписывают завтра.

Он все понял, вот и конец, до города еще идти и идти, лекарства не действуют, он не успеет дойти, надо попросить ее сделать еще укол.

– Наташа, можно вас попросить сделать мне еще укол? – пытливо и жалобно взглянул он на нее.

– Вы же знаете, что это невозможно – сухо и тихо ответила она. – И, к тому же, это вас убьет.

– Пожалуйста, это очень важно, мне надо уснуть, я должен закончить то, что начал.

– Я попробую по-другому. – Наташа знала, что снотворный эффект дает и газ, но не надолго, и баллон надо было принести из хранилища.

– Я принесу газ – тихо сказал она, – жди меня, я скоро приду!

– Я буду ждать.

Как было смешно думать, что Они не видят, что происходит...

Наташа пришла в хранилище. Там было все, кроме того, что ей было нужно. Безуспешно перерывая полки с коробками, ящичками, пакетами, деревянными органайзерами (они были прямо-таки древними, но служили исправно), она начинала понимать, что ничего не найдет. Баллон должен был быть скорее всего внизу. Хотя он был небольшой, могли его и наверх положить. Стойте, а если его взяли в другую палату? Об этом Наташа не подумала. Да, наверное, взяли в другую палату. Придется идти к Константину Федоровичу. Что ему сказать? Он сразу догадается, в чем дело. Нет. У него просить нельзя. Хотя, если сказать, что газ нужен не ее пациенту, а, может быть в соседнее отделение? Ну, как вариант. Надо еще искать. Куда же он мог запропасться? Пальцы не слушались. Движения были хаотичными и только сейчас Наташа увидела, что она просто перевернула все хранилище вверх дном. Постаралась скрыть следы своего присутствия, но выходило только еще сильнее навести беспорядок. Наташа бессильно села на пол, обхватила колени руками и заплакала. Раскисать было некогда. Она вскочила и быстро пошла к Сергею. «Хорошо, что я нашла баллон. Еле нашла. Надо будет там порядок потом навести».

Когда она подошла к палате пациента С790 с баллоном, то сразу поняла, что что-то не так. Сергея не было. В палате

был голубоглазый и Константин Федорович. Они смотрели на нее. Она попыталась спрятать баллон. Безуспешно.

– Это для пациента, но где же он?

– Наташа, пациент переведен в другую больницу. А вы, зайдите, пожалуйста в мой кабинет. Необходимо написать объяснение, почему вы не докладывали, что он вышел из-под контроля?

Наташа опустила глаза, все было кончено. Она пошла в кабинет Константина Федоровича. По дороге был туалет для персонала. Только там она заметила, что держит баллон в руках. И что руки у нее грязные после поисков в хранилище. Она вспомнила про ампулу. Посмотрев внимательно в большое чисто вытертое зеркало, она увидела себя в первый и в последний раз. Все сомнения и страхи остались позади, не было ни сомнений, ни ожиданий. Наташа разбила ампулу и выпила содержимое. Посмотрела на баллон. На баллоне были предостерегающие надписи о том, что он под давлением, ронять и ударять нельзя.

– Ремонт в помещении продлится несколько недель, взрывом поврежден защитный купол, – рапортовал Константин Федорович, – пока часть пациентов уплотним, в целом справляемся, благодарим Комиссию за оперативность. Всповетвший главврач окончил разговор и выдохнул. Он закрыл глаза. Так посидел минуту, а потом решил, что ключи от хранилища теперь будут только у него одного. Мало ли что.